

ЭЛ РИДЕНУР

ТЕМНЫЕ ИСТОКИ КАРНАВАЛА

Суд над Смертью, обряды
плодородия и медвежьи
пляски

МИО

Эл Риденур
Темные истоки карнавала
Серия «МИФ Культура»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74391866

*Темные истоки карнавала. Суд над Смертью, обряды плодородия и медвежьи пляски / Эл Риденур: ООО « МИФ»; Москва; 2026
ISBN 9785002812202*

Аннотация

Праздник, вобравший в себя древние обычаи, шутовские суды и жестокие потехи.

Римские скачки на диких лошадях, бои быков в стенах Ватикана. Венецианские маски, за которыми прячутся игроки и грешники. Немецкие шуты с дубинками. А рядом – ритуальная вспашка земли, лечение артрита медвежьей пляской и костры из чучела Масленицы.

Все это – не веселые аттракционы. Это забытый, пугающий и диковинный лик карнавала.

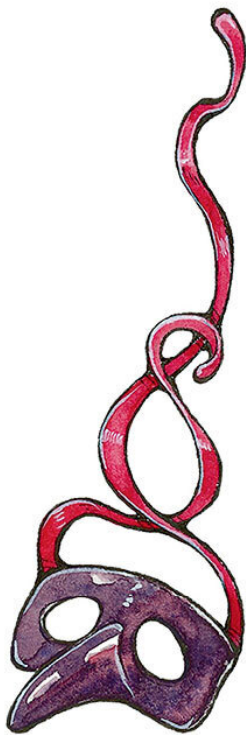
Содержание

Информация от издательства	6
Глава I. Неизвестный карнавал	9
Глава II. Сардина против колбасы	29
Глава III. Античные корни	44
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Эл Риденур

Темные истоки карнавала.

**Суд над Смертью,
обряды плодородия
и медвежьи пляски**

Информация от издательства

Оригинальное название:

A season of madness. Fools, Monsters, and Marvels of the Old-World Carnival

Al Ridenour

На русском языке публикуется впервые

Книга не пропагандирует употребление алкоголя. Употребление алкоголя вредит вашему здоровью.

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© 2024 Al Ridenour

© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «МИФ», 2026

* * *

Посвящается Лорен.

Она само олицетворение карнавала

Глава I. Неизвестный карнавал

Глава рассказывает, что протестантская церковь относилась к карнавалу с подозрением и неприязнью, а автор признает, что приступал к книге в состоянии некоторого изумления и такой же антипатии; далее читатели получают путеводитель по странам и эпохам, которые предстоит исследовать, а заодно узнают, что автора завораживает все чудовищное и языческое.

СОВСЕМ НЕ АМЕРИКАНСКИЙ ПРАЗДНИК

Карнавал сродни вечеринке, на которую не удосужились пригласить Америку. Ну да, у американцев есть Марди Гра¹, однако в Новом Орлеане существует свой отдельный мир, и

¹ Досл. «Жирный вторник»: последний день карнавала, день перед Пепельной средой и началом католического Великого поста. Знаменует окончание семи «жирных дней». *Прим. пер.*

не очень-то приятно чувствовать себя обделенными. Пытаясь рассуждать о карнавале как явлении, мы заранее ставим себя в невыгодное положение. Всем и так все понятно, но для верности оговорюсь: речь не об аттракционах и сахарной вате. Подозреваю, американцы были бы не прочь придать слову *carnival* более «заграничное» начертание – *carnevale*, например, или *carnaval* – или хотя бы более забавное произношение: вроде *карн-э-ВААЛ*.

Все безнадежно запуталось в 2003 г., когда флагман платного телевидения канал НВО выпустил сериал с участием случайных артистов. Исключительно для привлечения внимания его называли «Карнавал»² и выписали это слово максимально причудливо: *Carnivàle*.

Вообще-то Америка не проводила карнавалов, и слово пропадало без дела, пока в 1890-х гг. так не называли разъездные аттракционы – по образу и подобию игр, гонок и цирковых номеров, представленных в зоне развлечений *Мидуэй Плейсанс (Plaisance Midway)* на Всемирной Колумбовой выставке в Чикаго в 1893 г. Затея имела оглушительный успех, и мы приобрели собирательное название *midway* – аллея или парк аттракционов. (Французское *plaisance* – «удовольствие» – было отброшено, что лишний раз доказало страсть самоуправно впихивать миру наши слова и понятия.)

Возможно, именно характер ярмарочных представлений *мидуэев*, неожиданно появлявшихся, а назавтра исче-

² Созд. Д. Науф. Сериал транслировался в 2003–2005 гг. Прим. ред.

завших, и навел американцев на мысль о чем-то похожем на карнавал с его быстротечным сезоном развлечений. Мобильные шоу ежегодно приезжали в города примерно в одно и то же время, но день прибытия был непредсказуем. Примерно так же и карнавал год от года сдвигается по времени: его даты привязаны к Великому посту (и соответственно, к Пасхе).

Американцев настораживает отсутствие точных сроков карнавала. Тайну вычисления даты очередной Пасхи – анахронизм времен дореформационной Европы – приплывшие на барке «Мэйфлауэр» отцы-пилигримы³ наверняка назвали бы «римским папизмом». Впрочем, с непостоянством даты праздника, несущего с собой шоколадные яйца и прочие вкусности, еще можно смириться, но Великий пост слишком далек от большинства американцев.

³ «Отцы-пилигримы», английские религиозные диссиденты, прибыли в Северную Америку в ноябре 1620 г. и договорились с Вирджинской компанией о предоставлении им внутреннего самоуправления. *Прим. ред.*

Иллюстрация Марзолино из журнала «Питtoresк» (*Pittoresque*). Париж, 1850 г.

Любезно предоставлено болгарским Государственным агентством «Архиви»

По идее, он присущ всем христианским традициям, но в католицизме⁴ является важнейшей частью христианского наследия, а в протестантских церквях его роль минимальна. Сознанию американцев противна сама мысль об искупительном голодании, а уж предшествующий ему разгул чревоугодия и вовсе чужд стране, где властвует прагматизм.

Мысля широко, мы искренне стараемся втиснуть в свое сознание слова из католической культуры: *carnevale* (из итальянского) и *carnaval* (из большинства других латинских языков, а также голландского). Усвоили же мы французский термин Марди Гра! Правда, сейчас он слишком запутался в бусинах, бусах и оголенных бюстах, чтобы хоть сколько-нибудь внятно описать за пределами Нового Орлеана, что в нем происходит. Кроме того, у нас имеется английский эквивалент названия Марди Гра – *Shrove Tuesday*, вторник на Масленой неделе (он же Покаянный, или Жирный вторник, а до этого вторника – Масленая неделя).

Уху современного американца слово *shrove* непривычно, как и любое другое из французского языка. А если ты британец, это вообще не про тебя, ибо в Британии никаких карна-

⁴ И в православии тоже. Прим. пер.

валов не проводят. И это печально: поедание блинов в единственный в году день не в счет.

Карнавал на площади Массена. Ницца, Франция, ок. 1900 г.

Любезно предоставлено болгарским Государственным агентством «Архиви»

Вы, наверное, уже догадались: эта книга пойдет непроторенными дорожками в обход праздников с латинскими названиями. Мы изучим германский *Фастнахт*, польский *Запусты*, чешский *Масопуст*, болгарскую *Сирни заговезни*, а

также русскую *Масленицу*. И это далеко не все, что нас интересует.

НАШ ПУТЕВОДИТЕЛЬ

История

Начнем с Италии: в [главе I](#) изучим влияние Древнего Рима, затем переместимся в Венецию и, наконец, в Германию.

[Глава II «Сардина против Колбасы»](#) в общих чертах покажет, как повлияло на карнавал установление церковью Великого поста, и рассмотрит некоторые художественные отклики на это событие.

Карнавал в сельской местности. Иллюстрация Теодора Шмида для немецкого журнала «Садовая беседка» (Die Gartenlaube), 1850-е гг. Изображены домашние празднества в долине Штайнлах недалеко от Тюбингена, Германия.

Любезно предоставлено болгарским Государственным агентством «Архиви»

В [главе III «Античные корни»](#) мы поищем истоки карнавала в некоторых традициях Римской империи – до Христа и после правления императора Константина I Великого (272–337).

В [главе IV «Рим»](#) мы задержимся в Вечном городе, но пе-

ренесемся в Высокое Средневековье, когда латинский термин *carne levare*⁵ впервые применили к публичным играм и зрелищам, отражавшим жестокость того времени.

В [главе V «Карнавал в Венеции»](#) мы столкнемся с варварскими обычаями, бесконечно далекими от знакомых нам образов канонического европейского карнавала. В раннем периоде Нового времени мы увидим, как зарождались маскарадные традиции и несколько более цивилизованные развлечения (выступления акробатов, регаты, религиозные шествия). Правда, не сказать, что они распространены в современных карнавальных традициях.

[Глава VI «Германия: шуты Фастнахта»](#) расскажет, как в середине XIV в. возникло и закрепилось карнавальное шествие, а с ним и канонический образ карнавального шута. Далее мы изучим историю и традиции этого персонажа, а также современные обычаи гильдий шутов в разных городах Германии.

Темы

За первыми главами, очерчивающими исторический контекст и выстроенными в более или менее хронологическом порядке, следуют главы тематического характера.

В [главе VII «Ритуальные обходы домов»](#) рассматриваются обычаи Германии, Польши и Чехии.

[Глава VIII «Обряды плодородия»](#) исследует ритуалы тас-

⁵ Букв. «плотоядный». *Прим. ред.*

кания плуга или бревна в Германии, Австрии, Италии, Словении, Хорватии, Польше и Украине.

[Глава XIV «Как убивают Карнавал»](#) представит широкую палитру шутовских казней и похорон различных олицетворений карнавала, а далее исследует связь этого обычая с традиционными для немцев и некоторых восточноевропейских народов изгнанием зимы и обрядом «Несем Смерть из деревни».

Чудища

[Глава IX](#), [глава X](#), [глава XI](#), [глава XII](#) и [глава XIII](#) посвящены карнавальным чудищам или диким зверям: IX – словенскому Куренту с плугом; X – венгерскому Бушо́; XI – болгарским кукерам; XII – карнавальным медведям во французских и испанских Пиренеях и Стране Басков; XIII – паноптикуму карнавальных персонажей в провинции Нуоро на острове Сардиния.

ТЯГА К ВОСТОКУ

Я хочу ознакомить читателей с обликом позабытого карнавала, поэтому в книге рассмотрены преимущественно восточно-европейские культуры. Это сделано не ради новизны впечатлений, а из глубокого убеждения, что именно страны Восточной Европы являют лучший пример ранней формы эволюции карнавала как общеевропейского культурного фе-

номена. В частности, обычай обходить дома с пожеланиями блага, который со временем был вытеснен единым общегородским парадом.

Масштабные шествия я большей частью оставляю в стороне, хотя за многими из них стоят важные исторические реалии. Кёльнский карнавал, карнавалы во французской Ницце и бельгийском Бенше (как и многие другие неупомянутые), безусловно, значимы и обладают объемной биографией, но не ценны ни для тематики книги, ни для исторического нарратива.

НЕЛЮБОВЬ К КАРНАВАЛУ

Если честно, карнавал всегда казался мне несколько нудным и утомительным мероприятием, и это до некоторой степени объясняет избирательность в подборе материала. Однако я пересмотрел свои взгляды и теперь надеюсь переубедить тех, кто пока не относит себя к поклонникам карнавала.

Позвольте для начала перечислить мои собственные предубеждения. (Вероятно, вы тоже хотя бы отчасти их разделяете.)

Я не люблю пластик.

Я не люблю флуоресцентные цвета: они режут глаз.

Я не люблю толпу.

В пластмассе есть что-то бездушное, но все знаменитые

современные карнавалы (кроме Венецианского) охотно используют фиберглас⁶ для изготовления парадных платформ и передвижных конструкций, а иногда даже масок. Но стекловолокно не в состоянии передать ни текстуру, ни характерные детали, и обеспечивать их приходится густым слоем распыляемых красок. (К моим предубеждениям впору бы добавить еще и этот пункт.)

В цветовой палитре крупных карнавалов флуоресцентные краски не господствуют, но даже в умеренном количестве они поднимают во мне волну недоверия к карнавалам вообще.

Толпа является универсальной особенностью всех знаменитых карнавалов и даже любого городского, в остальном совершенно непримечательного. На такое мероприятие нужно приезжать задолго до начала, а по окончании томиться в очереди на выезд. В промежутке же приходится бесконечно долго стоять рядов за пять (а обычно и еще дальше) от места действия и вытягивать шею, желая разглядеть поверх голов проползающие мимо кислотного цвета монструозные конструкции из пластика. Ноги с каждой минутой немеют все сильнее, и тошно даже подумать, сколько препятствий придется преодолеть на пути к общественной уборной, если таковая вообще имеется поблизости.

⁶ Композитный материал, стекловолокно с полимерной смолой (обычно эпоксидной или полиэфирной). Прочен, гибок, легкий (в 3–5 раз легче металла), не подвержен коррозии или гниению. *Прим. пер.*

И еще: никто не любит марширующих оркестров. Вот совсем никто.

Ну и, наконец, имеется идеологический аспект. Если карнавал и правда являет собой разгул веселого безумия, то неужели грандиозные марш-парады отражают его дух? Вот эти люди в одинаковых костюмах, стиснутые в дружных рядах «конвоем» из трубачей и барабанщиков? От этого скорее веет армейским духом, а обещанной карнавалом радости, увы, нет и в помине.

НАРОДНАЯ ЭСТЕТИКА

Однако под мишурой часто обнаруживается другой карнавал – он-то и заслуживает нашего интереса. В книге я намеренно сосредоточился на празднествах в малых городах и сельских поселениях: им обычно уделяется немного внимания, а ведь именно они показывают раннюю стадию становления карнавала. К тому же это мой личный эстетический выбор.

Участники фольклорных карнавалов кто во что горазд делают костюмы из подручных материалов. В ход идут кожа, шкуры, рога, плетеная солома; лица чернят сажей или скрывают деревянными масками и капюшонами из овчины. Ряженные обычно собираются на городских площадях и центральных улицах, в сельских харчевнях и общественных пространствах, устраивают гулянья, иногда совсем неболь-

шими группками обходят дома и дальние фермы.

Местные праздники успешно сосуществуют с более масштабными торжествами. Жители отдаленных сельских районов демонстрируют на региональных выставках и ярмарках обычаи своей местности. В последние годы подобные праздники проводятся с все большим размахом и привлекают гостей и туристов даже из-за рубежа. Костюмы и манера карнавалов сохраняют первоначальный вид, ведь там, где они проводятся, местная культура больше привержена традициям и наследию предков, чем в больших городах.

ЯЗЫЧЕСКИЕ УЖАСЫ!

Не без удовольствия признаю: мой интерес к народным карнавалам возрастал параллельно вниманию к занятому жанру, в последние годы получившему название «фолк-хоррор»⁷.

Наверное, этим и объясняется моя склонность к исследованию темных и мрачных сторон карнавала и его истории. Понимаю: количественные свидетельства выдают меня с головой. Слова «кровь» и «кровавый» я использовал в тексте добрых три десятка раз, слово «язычник / языческий» – 29 раз, а «дьявол» побил все рекорды – 47 раз! Жуткими по-

⁷ Поджанр фильмов ужасов, в котором страх и тревожное ожидание нагнетаются за счет древних поверий, языческих обрядов, темных деревенских культов, магии природы и уединенности. *Прим. пер.*

дробностями изобилуют главы, где зверские обряды, жестокие игрища и ритуальные убийства животных упоминаются в контексте римских и венецианских истоков карнавала. Прошу считать предупреждением: содержание книги может быть болезненным или напомнить о пережитой травме.

Слово «фолк-хоррор» явно намекает на жертвоприношения языческим божествам, но речь не об этом. Язычество у меня в книге представлено в сельских суевериях и народных верованиях. Они сурово осуждались строгим католическим и православным духовенством, но в сознании простого народа благополучно сосуществовали с христианскими традициями.

Оказалось неожиданно трудно доказать дохристианские корни карнавальской традиции, как бы ни утверждалось, что все следы ведут к культу Диониса. В [заключительной главе «Как убивают Карнавал»](#) я исследую ряд славянских обычаев, которые вполне обоснованно можно отнести к дохристианским временам.

Карнавальное шествие (гравюра), анонимный гравер, дизайн Адриана Питерса ван де Венне, 1599–1662 гг.

Любезно предоставлено Государственным музеем Амстердама по лицензии Creative Commons

И СНОВА КРАМПУС

На предыдущую книгу *The Krampus and the Old, Dark Christmas* («Крампус и мрачное Рождество стародавних времен», 2024) меня тоже вдохновила страсть к народным ужасам и глубокий интерес к культуре Германии. Этим также

объясняется мое непропорционально большое внимание в этой книге к немецким обычаям.

Я не мог представить, что связанные с фигурой Крампуса⁸ обычаи позаимствованы из старинных карнавальных традиций. Первейший пример – колокольчики на шее. Кроме того, предшественница Крампуса фольклорная Перхта⁹ тоже может считаться карнавальным персонажем, так как связана еще и с праздником Богоявления¹⁰. Имеющие отношение к Крампусу и Перхте обычаи прослеживаются по всей Европе (и даже в далеких от Германии Болгарии и Греции), и у них много общего с карнавальными торжествами в немецко-говорящих странах.

На протяжении всей книги я обращаю внимание на взаимовлияние традиций карнавала и празднований рождественского цикла. Поворотным моментом выступает Богоявление (Крещение Господне), знаменующее конец одного и начало

⁸ Рождественский черт, легендарная фигура в фольклоре Альпийского региона, спутник и антипод Николая Чудотворца (св. Николай раздает подарки хорошим детям, а Крампус наказывает и пугает непослушных). Также название обходного обряда в ночь с 5 на 6 декабря. *Прим. пер.*

⁹ Баба-яга Перхта, мифическое существо женского рода и персонаж рождественского и масленичного периодов. Известна южным немцам, австрийцам, швейцарцам, а также славянам, преимущественно чехам и словенцам. В Баварии и Австрии сохранилось поверье: на Святки (особенно в Двенадцатую ночь) Перхта бродит по домам, чтобы узнать, были дети усердными и трудолюбивыми или нет. *Прим. пер.*

¹⁰ Также Крещение Господне: один из двенадесятих праздников в христианстве; в католичестве отмечается 6 января (в православии – 19 января). *Прим. пер.*

другого периода. В контексте восточно-европейского карнавала я упоминаю гимны и уточняю, что в период обсуждаемых празднеств земля еще покрыта снегом, поэтому иногда может показаться, будто описывается Рождество.

МИР СТРАННЫЙ И ПУГАЮЩИЙ

Полагаю, вы не ожидали, что Рождество вторгнется в карнавал. Как не предполагали заснеженных пейзажей и кровавых жертвоприношений. А зря. Эта книга сдвинет городской пластик, и откроется неизведанное. Надутые свиные пузыри – обычный реквизит уличных клоунов. Чудовища с дубинками в ежовых иглах. Ряженные-медведи, чью «кровь» можно выпить, как вино. Плуги на булыжных мостовых. Опилки вместо семян. Маски тут разрисованы кровью, а на части карнавальных одеяний позвякивают кости. Баски в одном исподнем колошматят кувалдами по старым машинам, а сардинцы причитают над пластмассовыми куклами. Никто не скупится на непристойные шуточки, и все норовят ткнуть зазевавшихся зрителей в пах «уткой» с тлеющими в ней волосами, чтобы дым «подстегнул плодовитость». Лик карнавала бывает очень странным и весьма пугающим.

Я ни на йоту не отступаю от исторических документов, мне нравится вытаскивать на свет все эксцентричное и чудовищное. Я ощущаю некоторое сродство с авторами «журналов диковинок», популярных с конца XVIII по конец XIX в.

Позже их издали под абсурдно длинными названиями, которые я благоразумно усек.

«Витрина любопытных диковин, или Чудеса со всех концов мира, выставленные...»

«Изумительный журнал, где вы найдете все уникальное и несравненное, любопытное и редкостное, что есть в искусстве и природе...»

Выражаю симпатию к этому своеобразному жанру и даю развернутое, очень подробное описание материала, изложенного в каждой главе.

Любовь к такого рода изданиям также отразилась в моем историческом подкасте. Исследования фокусируются на фольклоре и народных обычаях, нередко припорошенных темным налетом фолк-хоррора.

Глава II. Сардина против колбасы

Глава рассказывает, почему было трудно определить даты карнавала; откуда у этого слова значение «жирный», «мясной»; какую роль в истолковании его сути сыграл Великий пост; как вышло, что его стала олицетворять сардина, а символом карнавала сделалась колбаса; и еще о том, как произведения искусства и литературы сталкивают этих заклятых врагов в непримиримых битвах.

КАЛЕНДАРНАЯ ПУТАНИЦА

Определить даты сезона праздничного безумия подчас крайне трудно – попытка грозит свести с ума любого. Конечно, можно было бы приурочить карнавал к единственному в году вторнику Марди Гра: веселье в этот день и так достигает апогея. Но даже в краях, где карнавалы отсутствуют в

культурном обиходе, праздник-однодневка не тянет на нечто грандиозное.

Он всегда длится, занимает время, у него обязательно есть условный день окончания. Но одна только переменчивость даты начала способна взбесить. В Германии карнавал называют «пятым временем года». В некоторых регионах он начинается на День святого Мартина 11 ноября, в прошлые времена считавшийся началом зимы. Не сказать, что сразу разворачивается настоящее веселье, но по церемониалу к этой дате приурочено торжественное появление шута: он провозглашает, что сезон безумия на пороге.

С другой стороны, не отпраздновав Рождество, вряд ли возможно начать карнавал. Поэтому его старт приурочивают к Богоявлению, знаменующему окончание 12-дневного рождественского цикла¹¹. В этот день по всей испано— и франкоговорящей Европе пекут особые королевские¹² пироги или торты (на испанском — *roscónes de reyes*; по-французски — *gâteaux des rois*). Так принято чтить память трех библейских волхвов, пришедших к яслям младенца Иисуса, но сладкую выпечку можно связать и с началом карнавала — и так с превеликим упорством поступают по ту сторону Атлантики в Новом Орлеане.

¹¹ В православии Богоявлению (Крещению) предшествуют Святки. *Прим. ред.*

¹² В день Богоявления отмечается Праздник трех королей (Праздник трех царей, Праздник трех волхвов), не входящий в литургический календарь католической церкви, но являющийся официальным в некоторых землях Германии. Праздник возник на Востоке в первые века христианства. *Прим. ред.*

В Южной Италии карнавальный сезон начинается на две недели позже, 17 января. В День святого Антония разводят костры. Дата выходит за пределы 12-дневных рождественских праздников, так как средневековые литургические Святки длились до 2 февраля – до Сретения Господня¹³ (Принесения во храм). В этот день завершается библейская история о младенчестве Иисуса, его приносят в церковь для ритуального очищения.

Отсечкой между Рождеством и карнавалом может служить 2 февраля. Эта дата знаменует возрождение жизненных сил природы. Считается, животные в этот день пробуждаются от зимней спячки и возвещают приход весны (как знаменитый немецко-североамериканский сурок), фермеры уже приступают к весенним работам, овцы ягнятся и начинают доиться. С таянием снега отпадает необходимость в залежавшихся зимних припасах и нудном зимнем распорядке, и это естественным образом располагает к веселью и радости, находящим выход в карнавальных торжествах.

¹³ В православии Сретение отмечается на 40-й день после Рождества – 15 февраля. *Прим. ред.*

Борьба Карнавала и Великого поста. Последователь Иеронима Босха, 1600–1620 гг. Музей Майера ван ден Берга, Антверпен.

Фото сделано Доссманом по лицензии Creative Commons

День окончания карнавала тоже можно считать установленным лишь условно. Ему положено приходиться на вторник, – как правило, в феврале или марте. Сумасшедшинки добавляет резонный вопрос: а какой именно вторник имеется в виду?

Сразу за Марди Гра, или Жирным вторником, должна следовать Пепельная среда – первый день католического 40-дневного Великого поста. Животная пища (яйца, мясо, сливочное масло, сыры) из рациона на это время исключается, и вторник – последний день, когда можно напечь блинов, оладий, пончиков, пирожков и вволю наесться разной вкуснятиной. Традицию соблюдают даже в протестантской Британии, где память о католическом карнавале давно поросла быльем. Жирный вторник там называют Прощеным вторником, и в него надлежит готовиться к грядущему посту: исповедаться

и получить *отпущение грехов*.

Чтобы определить, какой вторник последний перед началом Великого поста и, соответственно, Жирный, требуется отсчитать 40 дней обратно от Пасхального воскресенья – самой замысловатой и невероятно переменчивой христианской даты. Сложность ее определения восходит к библейской истории. Тайная вечеря, последняя трапеза Христа с учениками, состоялась в еврейскую Пасху, а она устанавливается по лунному календарю, и в первые века христианская церковь ориентировалась на эту дату. Однако в лунном годе обычно 354 дня, а в солнечном – 365, и, чтобы приблизиться к астрономическим реалиям, обе системы летоисчисления прибегли к разнообразным ухищрениям в виде високосных годов и високосных же месяцев.

К 325 г. н. э. церковь утвердила методику расчета, которая используется и поныне: Пасха празднуется в первое воскресенье после первого полнолуния после дня весеннего равноденствия – 21 марта в церковных расчетах. Эта дата тоже получена расчетным путем и с астрономическим равноденствием совпадает весьма приблизительно. Кроме того, «пасхальное полнолуние» тоже существует лишь на бумаге и приходится на день 14-й луны, то есть в расписании лунных фаз специально разработанного *церковного* лунного календаря возраст луны составляет 14 дней.

Все сказанное призвано убедить читателя: вряд ли обычный человек способен самостоятельно точно узнать, на ка-

кие даты приходится карнавал.

ГОВОРЯЩЕЕ НАЗВАНИЕ

Великий пост задал форму и характер празднику, но четко просматривается его влияние на название «*карнавал*». Самое расхожее толкование возводит к латинскому выражению *carne vale* – «прощай, мясо». Однако больше свидетельств в пользу варианта *carne levare*: *levare* означает либо «удалить», либо «возвысить» нечто, в данном случае именуемое «мясом» или «плотью». Таким образом, выражение *carne levare* первоначально могло обозначать время, в которое следует отринуть (или возвысить до духовности) плотскую природу человека (среди недоедающих масс толкование отказа от мяса закрепилось как самое понятное).

Если исключить культуры, сложившиеся под влиянием римско-католической церкви, то станет видно: на название праздника аналогичным образом повлияла и Элладская (греческая) православная церковь. В России карнавал называется *Масленицей* от слова «масло» (имеется в виду сливочное), а в английском – *Butter Week* (Масленая неделя).

Необычное представление о начале карнавала в Германии 11 ноября можно связать с другим предрождественским 40-дневным постом – святого Мартина. Пост длился с 12 ноября по 25 декабря. Теперь он не носит обязательного характера и его мало кто соблюдает, но в прошлые времена католики

Северной Европы постились 40 дней в качестве епитимьи, духовно приготавливая себя к празднику Рождества.

Таким образом, 11 ноября считалось своего рода датой зимнего карнавала. Последний денек, когда еще можно было до отвала наесться, отмечали вовсю. В Англии празднества приурочивали к Мартинову дню и щедро угощались говядиной (день знаменовал начало «времени бойни» – забоя домашнего скота и заготовки мяса на предстоящую зиму); в Германии и Франции запекали гуся. Щедрые возлияния в этот день выдвинули весельчака святого Мартина в покровители вина и виноделов.

Еще одним наследием Великого поста стала продажа в Германии и Франции церковных индульгенций на употребление в пост *лактициний* – молочных продуктов. За небольшую плату – «масляный грош» (*Butterpfennig*) – в Германии можно было прикупить «масляную грамоту» (*Butterbrief*). Во Франции выручка от продажи таких индульгенций шла на возведение Руанского собора, в частности на самую высокую башню, позже прозванную Масляной (*Tour de Beurre*).

БОРЬБА ЗА ЕДУ

В отличие от мяса и молочных продуктов, рыба в пост разрешена, и она занимает главное место в рационе постящихся. Засилье рыбы наступало даже в городах, далеких от морского побережья и больших рек, и ее, соленую или копченую,

воспринимали как воплощение безотрадной постной поры.

Свиные деликатесы, особенно на севере Европы, олицетворяли карнавал. Колбасы исключительно богаты животными жирами, к тому же тугие выпирающие бока круга колбасы напоминают набитое брюхо гуляки, что составляет разительный контраст со сморщенной сардинкой. Колбаса и сардина сделались узнаваемыми образами карнавала и поста и частенько противопоставлялись в разнообразных аллегорических пьесах и произведениях изобразительного искусства позднего Средневековья и начала Нового времени.

Великолепный пример – картина «Битва Масленицы и Поста» (1559) фламандского живописца Питера Брейгеля Старшего (1525/1530–1569). На панорамном виде на городскую площадь присутствуют примерно две сотни персонажей. Они сгруппировались за спинами сражающихся. Верхом на винной бочке сидит пузатый Карнавал, напротив него на жестком стуле притулился изможденный Великий пост. Оружие Карнавала – вертел с увесистым куском свинины и колбасой; Великий пост вооружен лопаткой для выпечки с двумя тощими рыбками.

За спиной Карнавала выпивохи прямо у дверей таверны осушают кувшины с вином. Кто-то, уже упившись, уронил голову на винную бочку. Игроки склонились над игральными костями. Дети беззаботно развлекаются с волчками и плетками¹⁴. У музыкантов в руках нелепые пародии на ин-

¹⁴ Игра с волчком или в «монаха»: с помощью плетки нужно удерживать волчок

струменты. На земле заметны следы запретных во время поста продуктов – яичная скорлупа и обглоданные кости.

За Великим постом толпятся согбенные монахины, жалкие попрошайки, женщины и мужчины, несущие корзины с хлебами, рыбой, мидиями и зеленью.

За три столетия до Брейгеля один французский автор¹⁵ описал подобную аллегорическую битву между постными и скоромными продуктами. Поэма пародировала напыщенный слог рыцарских эпосов и называлась практически так же, как позже картина Брейгеля: *La Bataille de Caresme et de Charnage* («Битва Каремса [Великого поста] и Шарнажа [Карнавала]»). Слово *caresme* происходит от латинского обозначения числа 40 и родственно современному французскому *carême*, обозначающему пост. В общем случае *charnage* значит «мясо» либо «мясоед» – время, когда церковь разрешает употреблять мясо, однако в данном случае под мясоедом имеется в виду не карнавал, а Рождество – Ноэль.

Противником поста мог выступить любой из названных праздников: мотив вражды передается легко, а совпадение календарных дат намекает: обычаи Рождества исторически отошли к карнавалу. Совпадает, кстати, и оружие: воинству колбас и жирного бекона противостоит рыба.

В первых светских театральных постановках в Германии в начале XVI в. появился еще один персонаж – Ганс Вурст

в вертикальном положении. Прим. пер.

¹⁵ Имя до нас не дошло. Прим. ред.

(Ганс-колбаса). Пьесы писал поэт, мейстерзингер и драматург Ганс Сакс (1494–1576). Произведения предназначались для карнавальных увеселений и отражали грубый непочтительный дух «пятого времени года».

Ленивый простофиля и удачливый пройдоха Гансвурст (на первых порах его имя писалось слитно) благодаря фигурству шагнул за пределы народных пьесок. В последующие столетия Ганс Вурст сделался заглавным персонажем немецкого кукольного театра и сравнялся по популярности с Пульчинеллой из итальянской комедии дель арте и с английским мистером Панчем.

ПОХОРОНЫ САРДИНЫ

Карнавальные празднества в Испании традиционно завершаются похоронами сардины, символизирующей Великий пост. Настоящие похороны (закапывание в землю) бывают редко – обычно чучело рыбы сжигают. Но для вящего сходства торжественную процессию сопровождает духовой оркестр и театрально причитающие плакальщицы. Перед сожжением иногда зачитывают составленные в сатирическом ключе последнюю волю и заветы «усопшей сардины». Бывает, ряженые несут с собой настоящие сардины.

Тяготы и лишения испанцев в стародавние времена по большей части забыты, и приговоренная к сожжению сардина теперь воспринимается в контексте распространен-

ной традиции «убиения Карнавала»: в заключительный день празднеств уничтожают чучело, символизирующее карнавальный сезон (см. [главу XIV](#)).

Похороны сардинки. Франсиско Гойя, 1812–1819 гг.

Любезно предоставлено Королевской академией изящных искусств Сан-Фернандо, Мадрид

В отличие от персонажей вакхического образа и подобия (а их чаще всего назначают символической жертвой), выбор сардины выглядит необычным. Его объясняют несколько маловероятных теорий. В Барселоне, к примеру, полагают, что начало обычая положило настоящее избавление от горы сардин. Однажды по случаю праздника король Карлос III (1716–1788) угостил рыбой весь город, но в разгар торжеств выяснилось, что она протухла.

Франсиско Гойя (1746–1828) в 1810-е гг. жил в Мадриде и не мог не знать о ежегодном шутовском ритуале, поэтому написал картину «Похороны сардинки» (правда, считается, что название ей дали уже после смерти автора). На полотне нет изображения рыбы, гроба или могилы. Однако на первых эскизах на расположенном по центру композиции стяге было слово *mortus*, которое в окончательном варианте заменила ухмыляющаяся маска. Картина и без прямого упоминания смерти производит гнетущее впечатление: гуляки гримасничают и исступленно предаются веселью.

Именно с этого полотна начался переход Гойи от светлых сюжетов раннего творчества к «Мрачным картинам»¹⁶ – пу-

¹⁶ Также «Черные картины». Серия из 14 фресок (1819–1823) для «Дома глухого», который Гойя приобрел в 1819 г. *Прим. пер.*

гающим сценам ужасов на фресках в его собственном доме. Позже они получили названия «Шабаш ведьм» и «Сатурн, пожирающий своего сына».

Тягостно-болезненный карнавал у Гойи едва ли выглядит так же, как на открытках с Венецианским карнавалом. Художник передал странный, местами варварский дух, присущий карнавалам на заре их истории, и дикость нравов, впервые давшую о себе знать в Древнем Риме.

Глава III. Античные корни

Глава перебирает разнообразные древнеримские праздники, высматривает в них истоки карнавала и находит, что луперкалии предлагают весьма скромные параллели, а сатурналии вообще ни при чем, зато римский Новый год (январские календы) внушает доверие, предлагая пищу для сравнений, в том числе маскарадные костюмы, уличные шествия, а также непочтительные выходки на публике, нашедшие продолжение в средневековом празднике дураков и в традициях карнавала.

ЛУПЕРКАЛИИ

В известной нам форме карнавал сформировался под влиянием Великого поста, но впитал в себя разные элементы дохристианской культуры Древнего Рима. В качестве возмож-

ного прообраза карнавала нередко упоминают луперкалии¹⁷, которые праздновались 15 февраля, и вспоминают схожие обычаи, известные из античных источников. Эта версия гораздо более правдоподобна, чем надуманные связи луперкалий и Дня святого Валентина, но сравнение с карнавалом тоже вызывает вопросы.

Самая очевидная параллель возникает, пожалуй, из-за обязательного обряда повышения плодovitости. В день праздника жрецы бога Луперка (луперки) голыми или едва прикрыв наготу носились по римским улицам и стегали ремешками из козых шкур всех встречаемых, особенно женщин, о чем и рассказал античный философ и писатель Плутарх (ок. 46–127) в «Жизнеописании Цезаря» (ок. 75). К этому времени праздник уже считался старинным.

Многие дамы из аристократических семейств специально старались попасться луперкам и, словно послушные школьницы, подставляли под удары ладони: тогда искренне верили, что это поможет зачать и выносить ребенка, а беременным облегчит роды.

Беготня по всему Риму отражает общественный характер луперкалий, поэтому их допустимо сопоставлять с управляемым хаосом карнавала – тоже коллективной забавы. Правда, в церемониал луперкалий входил еще один, менее публичный обряд, и он должен был состояться раньше, чем празд-

¹⁷ Пастушеский праздник очищения и плодородия в Древнем Риме в честь бога Луперка. *Прим. ред.*

нование выплеснется на городские улицы.

Обряд имел очень мало общего с любой из карнавальных традиций и проводился в пещере Луперкал у подножия Палатинского холма¹⁸ в Риме. На специальном алтаре приносили в жертву козла (или козлов) и, предположительно, собаку. С трупов сдирали шкуры и нарезали из них ремни. Жертвенной кровью с использованного в ритуале ножа смазывали лбы двум знатным юношам, а они должны были стереть кровавые отметины клоком козьей шерсти, смоченным в молоке.

Божество, в честь которого проводился праздник и которого следовало умилостивить, обычно называли Фавном, но, согласно ряду источников, это мог быть и Луперк, Ликий, Пан или Вакх. Источники сходятся в том, что праздничный ритуал имел целью очищение – коллективное или индивидуальное. Позже обряд стали связывать с богиней Юноной в ипостаси Юноны-Очистительницы, или *Юноны Февральской* (*Juno Februata*), олицетворявшей очищение и месяц февраль: он получил название от орудия ритуального очищения *februum*¹⁹.

В чем бы ни заключался первоначальный религиозный обряд, он вынужденно отошел на задний план, а сам праздник

¹⁸ Согласно преданию, волчица вскормила здесь Ромула и Рема, будущих основателей Рима. *Прим. пер.*

¹⁹ Так назывались клоки шерсти, которыми избранные юноши стирали жертвенную кровь. *Прим. пер.*

в той или иной форме продолжил существовать вплоть до христианской эры. В свете интереса к происхождению карнавала наиболее познавательной и значимой была бы поздняя версия луперкалий.

Известной нам малостью мы обязаны довольно едкому посланию папы Геласия I «Против сенатора Андромаха и других римлян, постановивших праздновать луперкалии согласно древнему обычаю», написанному в конце V в. (ок. 495)²⁰.

Папа писал о древнем обычае, но неизвестно, имел он в виду современную традицию или практики отдаленного прошлого, которые сенатор Андромах вознамерился восстановить. Но нет сомнений, что обсуждаемое событие пребывало в некоем «упадочном состоянии» и что Андромах с товарищами всерьез верили, что соответствующие обряды помогут изгнать чуму, свирепствовавшую на юге Кампании²¹.

Нам также неизвестно первоначальное прошение Андромаха, но ответ папы Геласия наводит на мысль: по убеждению сенатора, бедствие на страну навлек именно упадок луперкалий. Также можно предположить, что луперки к этому времени лишились жреческого сана, ведь их больше не избирали из знатных семейств, как в старину. Тех же, кто участвовал в публичных обрядах, и сенатор, и папа считали

²⁰ Глава сената Андромах защищал языческий праздник луперкалий. *Прим. ред.*

²¹ Стратегически важный для Древнего Рима регион в Средней Италии. *Прим. ред.*

черную.

Геласий ругается на Андромаха.

Этот культ, так почитаемый вами и такой благотворный (как вы сами себе думаете), вы отдали на откуп ничтожным простолюдинам, черни, никчемному сброду, самым низам.

Возможно, Андромах мечтал поднять эти обряды на высокую высоту, достойную его собственного участия, но весьма сомнительно, чтобы он снизошел до подобного. И это дало Геласию повод язвительно попенять сенатору.

Раз обряд этот благотворен для вас, ступайте и сами исполняйте его в точности, как исполняли его ваши предки, – бегайте нагишом, размахивая ремнями, и пускай эти ваши ритуальные непотребства спасают вас.

Сам папа Геласий считал ритуалы луперкалий истинно бесовским наваждением, а их участников обзывал глупцами, поклоняющимися «чудовищу, которое есть помесь человека со скотом».

Геласий описал божество, которому посвящались луперкалии, но неизвестно, речь о событиях 496 г. или некоторые отсылки были почерпнуты из традиции прошлых столетий. Выражение «помесь человека и скота» навеивает образ некой разновидности бога Пана или карнавального чудовища в звериных шкурах – вроде тех, что появлялись на календах.

Несомненно, нашего внимания заслуживает еще одна деталь.

Не в пример почтенным луперкам древности, заголившиеся бегуны сновали взад-вперед и при этом распевали глумливые куплеты, не гнушаясь разносить молву о громких скандалах на потеху толпе и к унижению их виновников.

Фирменная марка карнавала – осмеяние власть имущих. Обличает ряженный, то есть изгой. Тем, кто нарочно выставляет себя глупцами или сумасшедшими, как и придворным шутам, на критику дается карт-бланш. В европейских карнавалах позднего времени подобная фигура станет обязательным персонажем, а в V в. под приведенное описание подошел бы всякий, способный бегать нагишом по римским улицам.

Стараниями папы Геласия в V в. луперкалии в Риме попали под запрет, а в Восточной Римской империи они в каком-то виде сохранялись вплоть до X в. В трактате о церемониальном протоколе *De ceremoniis* («О церемониях византийского двора»), написанном в 950-е гг. для византийского императора²², отдельное место было отведено специфическим скаковым состязаниям на константинопольском ипподроме. Они проходили в преддверии «расставания с мясом», а их название описательно переводилось как «скачки карнавальных коней» или «мясные скачки». В тексте они недвусмысленно названы *luperkalion*.

²² Для Константина VII Багрянородного (905–959). Полное название трактата – *De Ceremoniis Aulae Byzantinae*. Прим. пер.

Скачки отличало новшество: колесничие не правили лошадьми, а изображали скакунов и возили друг друга на закорках по всему кругу ипподрома. Колесничие занимали высокое положение в византийской культуре, и в их участии в комически-унизительных скачках просматривается прообраз других ритуалов откровенного дурачества и социальной инверсии, типичных для карнавалов более позднего времени.

В том, что Константинополь воспринимал луперкалии/карнавал как арену для нелепых зрелищ, забав и потех, заметны параллели с римскими празднествами, о которых пойдет речь в [следующей главе](#). Факт, что луперкалии благополучно дожили до X в., позволил бы разглядеть связь Древнего Рима с эволюцией средневекового карнавала. Но, к несчастью, в 1453 г. Константинополь завоевали османы. Как на грех, это приключилось ровно в то время, когда карнавал только-только начал формироваться на Западе. Византийская империя пала. Нить оборвалась.

САТУРНАЛИИ

Важная особенность карнавала – социальная инверсия («бросок в противоположность»): возвышение и прославление шутов, обжор и выпивох. С этой точки зрения в прототипы карнавала больше всего подошел бы римский праздник сатурналии, во время которого господа и рабы менялись ро-

лями и первые охотно прислуживали вторым.

Однако всякий, кто хоть немного в курсе, скажет: календарные рамки сатурналий не совпадают с карнавальными. Во времена Римской республики сатурналии отмечались 17 декабря; после, в Имперском Риме, празднование удлинилось на несколько дней – до 23 декабря. О скользящей дате начала карнавала уже говорилось, и естественно предположить, что элементы языческого праздника не только проникли в христианское Рождество (о чем часто рассуждают), но и задали форму карнавальным обычаям.

Карнавал, среди прочего, знаменит разгулом и необузданным поведением. И в этом он совпадает с общепринятыми представлениями о *сатурналиях*. В словарях это слово содержится не только как название древнеримского праздника, но и как синоним безудержного кутежа и крайней распущенности.

Взглянем бегло на истоки общего представления о сатурналиях.

Римский философ-стоик Сенека (ок. 4 г. до н. э. – 65 г. н. э.) писал в середине I в. в «Нравственных письмах к Луцилию»²³: «Наступил декабрь; весь город в лихорадке; страсти к наслаждениям дана законная сила; везде шум невиданных приготовлений, словно есть разница между сатурналиями и

²³ Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луцилию. М.: Азбука, 2026. Прим. ред.

буднями. А разницы-то нет...»²⁴

Согласитесь, это больше похоже на описание лихорадочной суеты предрождественских дней, чем на охвативший город разгул. Сенека упоминает о законных основаниях отложить труды и предаться наслаждениям, но тут же «обесценивает» праздник, сравнив его с кипучими буднями столичного Рима.

Вовсе непохоже, чтобы сатурналии со временем погрязли в грехах и излишествах. Примерно через полвека после Сенеки один из отцов церкви Тертуллиан (155/165–220/240), от которого можно было бы ожидать разгромной критики, высказал относительно сатурналий мелкую жалобу. В трактате «Об идолопоклонстве»²⁵ он с легким раздражением упомянул участие «во всеобщем веселье» и «пиры».

Спустя примерно сто лет после утверждения христианства в качестве государственной религии империи (точнее, в 448 г.) 17 декабря было обозначено в аннотированном календаре не как сатурналии, а как *feriae servorum* (праздник рабов) – предположительно, как день, когда им даруют привилегии. Выглядит как последний жалкий отзвук былого веселья.

На что это больше похоже – на разгул анархии и подрыв

²⁴ Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луцилию. Письмо XVIII. Цит. по: Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луцилию. М.: Наука, 1977. *Прим. ред.*

²⁵ Квинт Септимий Флорент Тертуллиан. Избранные сочинения. М.: Прогресс, 1994. *Прим. ред.*

общественного порядка или на скромные поправки и благопожелания, не более подрывные, чем звучащие на День учителя? Понятно, что празднование 17 декабря не могло подразумевать ничего, что пошло бы общественной нравственностью, ведь христианский составитель календаря Полемий Сильвий предназначил его епископу Лионскому.

Наши представления о разгульных сатурналиях могли сложиться под влиянием писателей и живописцев Викторианской и Эдвардианской эпох²⁶: они норовили приписать языческому миру все виды и разновидности запретных усад. Фантазии об античной вседозволенности и разнузданности нравов в литературе и живописи того времени особо часто олицетворяет бог Пан. Как не вспомнить повесть ужасов уэльского писателя и мистика Артура Мейчена (1863–1947) «Великий бог Пан»²⁷ и другие произведения.

Более трезвый взгляд, не замутненный последующими наслоениями христианских столетий, породил антропологический подход²⁸ к религии. Он отобразился в работах авторов XIX в.: этнографа и культуролога Эдварда Тайлора (1832–1917), востоковеда и филолога Уильяма Робертсона-Смита

²⁶ 1837–1901 и 1901–1910 гг. соответственно. *Прим. пер.*

²⁷ Мейчен А. Великий бог Пан. М.: Азбука, 2020. *Прим. ред.*

²⁸ Направленный на изучение верований, обрядов и сакральных практик как неотъемлемой части культуры, социальной жизни и человеческого опыта. Антропологический подход фокусируется на функциях религии: объяснение мира, объединение людей, снятие стресса и отражение культурных ценностей. *Прим. пер.*

(1846–1894). Но, пожалуй, наиболее известен антрополог, фольклорист и религиовед Джеймс Джордж Фрэзер (1854–1941). В обычаях сельских празднеств он разглядел отголоски ритуального жертвоприношения царя-божества и описал это в сочинении «Золотая ветвь: исследование магии и религии»²⁹.

Спустя время научное сообщество отвергло выводы Фрэзера (они не получили ни археологического, ни исторического подтверждения), но данный им импульс к упрощенчеству по-прежнему жив. Он здравствует в популярных толкованиях различных обычаев, ибо «разоблачения» захватывающе увлекательны, а холодок праведного восторга бодрит. Не на этой ли почве выросло расхожее современное представление, что Рождество – не более, чем отмытые добела сатурналии?

²⁹ Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь: исследование магии и религии. М.: Азбука, 2025. *Прим. ред.*

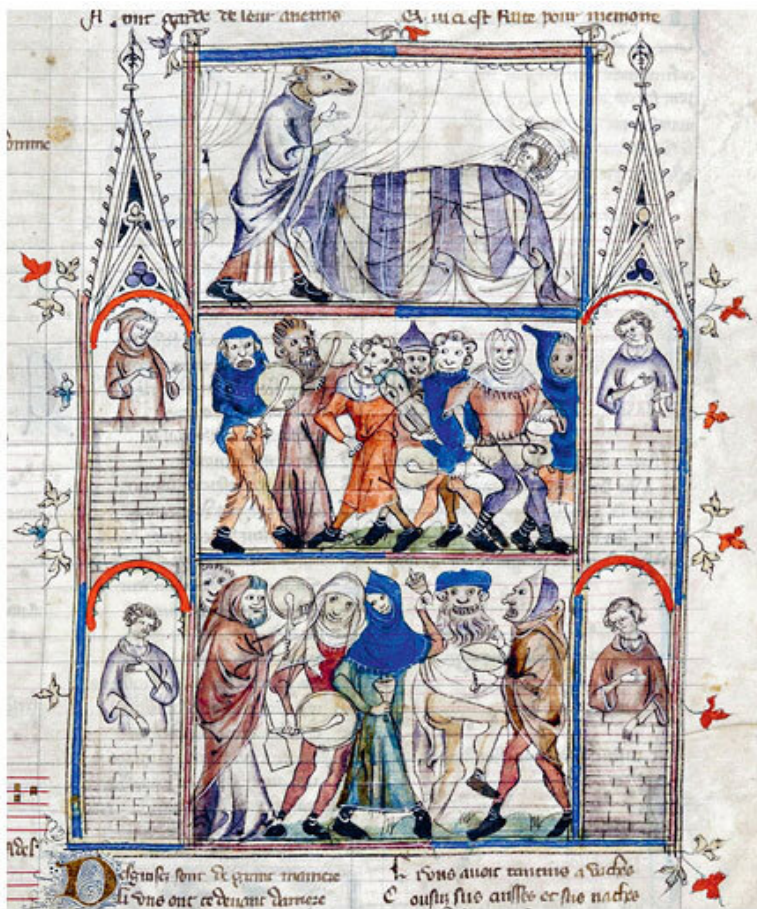

Иллюстрация к «Роману о Фовеле», ок. 1300 г.
Любезно предоставлено цифровой библиотекой Gallica

ЯНВАРСКИЕ КАЛЕНДЫ

Если луперкалии с сатурналиями действительно сыграли важнейшую роль в формировании карнавала, то их должны были широко праздновать по всей Римской империи. Но увы. Луперкалии были общественным праздником исключительно в столице, а символическим местом служила пещера Луперкал, где волчица вскормила будущих основателей Рима. Позже в этом городе праздник запретили, но еще пять столетий он здравствовал в Константинополе, что можно отнести на счет беспрецедентных стараний Византии утвердить свою столицу в качестве «второго Рима».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.